

СОЛЬ

сладкая соль застывает во рту
так что промолвить мне неволю
птицы пустые и перья горят
я понимаю теперь что не сад

я выжигая себя изнутри
господи хоть бы так ты говорил
это кипрей благосклонный на век
это пчела это ты человек

немочь пустая в цветочных листьях
горечь янтарная в божьих устах
я бессловесная в этом саду
та что совсем не горит на виду

ходит по стеблю как я муравей
белая кровь полошится под ней
сад умирает под страшной грозой
словно бы было ему не впервой

ну давай со мной поговорим
о горчащем слое тех рябин
что ложились точно в ряд и в ряд
и стекал на них небесный яд

было страшно и сходила ночь
было этот сад не перевозмочь
он всходил всей темнотой своей
мне казалось слышимым убей

горькую рябину в темноте
дерево качалось на кресте
жгло мне горло без пустой воды
только умирало в животе

дерево ли ветка слабый стон
тот кто был ко мне приговорён
пахло горько дымкой в темноте
я не понимала что не те

те которых надо быстро в жмых
господи пока ты не утих
говори со мной и не молчи
словно сад загубленный в ночи

мы умерли и нас не воскресить
в периметре обыденного сада
где мы казались добрыми людьми
пока горела Божия лампада

мы убивали каждый за своё
но плоть гнила и кажется напрасно
по родине гуляло вороньё
а девушки опять ходили в красном

ну и к чему придаться без молитв
пока всех бедных дев не закопали
где сад стоял но плечи оголив
для соловьёв слетающих едва ли

касающихся изредка их щёк
невыносимо царственно и долгих
что там на перекрестье всех дорог
всходил туман и выл умершим волком

ПО ТЕМЕ ОСЕННЕГО

Охватит озноб перемкнувших сюжет,
достаточно выхватить грубое слово.
Сквозь прорезь воздушную голос продет,
но вряд ли услышать его мы готовы.

По теме осеннего – сплин за окном,
короткое время для долгой разлуки,
где всполохи холода прут напролом,
чтоб мы разомкнули горячие руки!

Останется каждый один на один
с мигренью, бессонницей, тёмной дорогой;
упав, горизонт достигает глубин
земных сочленений в прослойке убогой.

Вот так в одночасье и сходят с ума,
где пенится щёлочь в колодезных срубах...
И в бедную волость приходит зима,
и снегом заносит упрямые губы.

МОЛИТВА

Старая книга, янтарный светильник,
долгая ночь в ожидании дня.
Бабочка крылья сложила бессильно
и потревожила этим меня.

Я осторожно её отпускаю
в тёмные окна, где маятный сад
под бормотание лиственной стаи
к слою земли худосочной прижат.

В этом ли времени кроется сила,
или в дождях, исходящих с небес?
Или в молитве, что я возносила,
но не во имя, а в противовес.

Бабочка тихо упала с ладони,
так вот и я незаметно уйду,
Господи, если меня ты уронишь,
похорони в незабвенном саду!

Шумной водой ороси мне могилу,
сад напои, где деревья растут.
Только оставшихся, Боже, помилуй,
всех, кто пока обретается тут.

молчит бессильная земля
где не случайны страх и старость
ты останавливаешь взгляд
на точном небе что осталось

всё наваждение и ты
едва ли двигаешься к саду
обрывки вящей пустоты
сон ниспадающей прохлады

когда в тяжёлое окно
вплывает ночь с дождливым всхлипом
где трав истёртое сукно
лежит в ногах просторной липы

где так невнятен голоса
чуть поддающиеся слуху
а ты утратив все слова
звучишь пространственно и сухо

из горла падает слеза
на почерневший слой бумажный
но ты выходишь всё же в сад
и всё становится не важным

и слабый свет и немота
в установившиеся сроки
и только с птичьего куста
дыханье слышимо сороки

Я выживаю, но в мартовской стуже
свет начинает по клавишам бить.
Время – короткую память утюжить,
вспомнив, как птица щебечет «фьюить».

Вот и проталина воздухом дышит,
пласт обнажив изболевшей души;
загодя выпив весенних излишеств,
хочется выкрикнуть:
– Жизнь, не фальшивь!

Я, продолжатель эпохи иллюзий,
верую, словно не верить смогу,
но не пытайся зрачки мои сузить,
выпустив в небо раскатистый гул.

Там, на границе тепла и объятий,
плавится снег от горячих лучей...
Как же боюсь – не себя я утратить:
землю, которая станет ничьей.